

Вячеслав **НИКОНОВ**,

доктор исторических наук, исполнительный директор фонда «Русский мир», декан факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова

КАРАМЗИН КАК РЕСПЕКТАБЕЛЬНЫЙ КОНСЕРВАТОР

Н. М. Карамзин. Литография Г. Ф. Гиппиуса.

Николай Михайлович Карамзин — один из самых выдающихся россиян. И один из самых недооценённых. Это крупнейший интеллектуал, который был первым в России по многим позициям. Он был основоположником современной прозы, русского сентиментализма. Первопроходец нынешнего литературного языка, он ввёл в обиход много теперь привычных для нас слов. Автор первой многотомной «Истории государства Российского». Карамзин — первый и наиболее яркий российский консерватор, интеллектуально ничем не уступавший своим западноевропейским коллегам. Он был блестящим политическим мыслителем. С ним часто спорили, но он никого из современников не оставил равнодушным, включая и императора Александра I, которого пытался учить жизни и искусству государственного правления.

ВЗГЛЯД ПОТОМКОВ И СОВРЕМЕННИКОВ

У Карамзина было немало почитателей. Среди них были и Александр Пушкин, и Николай Гоголь. Хотя Пушкин и позволял себе под влиянием часа (об этом ниже) остроты и дерзости в адрес Николая Михайловича, окончательное мнение великого поэта было однозначным: «Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России».

В правых кругах деятельность Карамзина воспринималась как потрясение не только литературных, но и политических основ. В 1809-м один из современников доносил по начальству, что его сочинения «исполнены вольнодумческого и якобинского яда... Карамзина превозносят, боготворят. Во всём университете, в пансионе читают, знают наизусть... Не хвалить его сочинения, а надобно бы их сжечь».

Для революционеров и либералов Николай Михайлович, напротив, был одним из столпов и символов самодержавия, на которое они обрушивали весь свой праведный гнев. Пушкин описывал реакцию декабристов на произведения Карамзина: «Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения». Но даже левые, считавшие Карамзина реакционером, отдавали должное его таланту.

Писателя, «оказавшего великие и бессмертные услуги своему отечеству», видел в Карамзине неистовый Виссарион Белинский. Карамзин был, по его словам, «везде и во всём... не только преобразователем, но и начинателем, творцом». Белинский подчёркивал: «Карамзин первые на Руси начал писать повести, которые заинтересовали общество... повести, в которых действовали люди, изображалась жизнь сердца и страстей посреди обыкновен-

ного быта». Но в них нет «творческого воспроизведения действительности». Итоговая оценка критика: произведения Карамзина сохранили только «интерес исторический».

Для Александра Герцена Карамзин — писатель, который «сделал литературу гуманною», в его облике он чувствовал «нечто независимое и чистое». Его «История государства Российского» — «великое творение», она «весьма содействовала обращению умов к изучению отечества». Но, с другой стороны, утверждал Герцен, «можно было заранее предсказать, что из-за своей сентиментальности Карамзин попадёт в императорские сети, как попался позже поэт Жуковский». А «идея великого самодержавия, — с гневом писал Герцен, — это идея великого порабощения».

В российской либеральной историографии отношение к Карамзину было почти однозначно негативным, хотя не признавать его заслуг тоже было невозможно. Василий Ключевский обнаружит у него массу недостатков, фактических ошибок, тенденциозность. Именно благодаря субъективизму и морализаторству Карамзин, по мнению Ключевского, «много помог русским людям лучше понимать своё прошлое, но ещё больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической русской наукой». Любить Россию в либеральных кругах было немодно.

В то же время религиозный философ Георгий Федотов (в статье «Певец империи и свободы»), связывая творчество Пушкина с «основным и мощным потоком русской мысли», отмечал, что «это течение — от Карамзина к Погодину — легко забывается нами за блестящей вспышкой либерализма 20-х годов. А между тем национально-консервативное течение было, несомненно, и более глубоким и органическим выросшим».

Советская историография — с лёгкой руки Михаила Покровского и Анатолия Луначарского — объявила Карамзина выразителем интересов «торгового капитала», «махровым реакционером», «настоящей реакционной бестией». Карамзина в СССР долго вообще не издавали. В 1950-е годы к творчеству Карамзина обратился известный филолог Юрий Лотман, которого по праву считают основоположником современного карамзиноведения. Новый всплеск интереса к Карамзину возник в 1980-е годы, когда

вышли серьёзные биографические работы Н. Я. Эйдельмана, Е. В. Осетрова, В. Э. Вацура. Карамзин вернулся.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

В трудах Карамзина берёт начало respectable консервативная мысль России. Именно он на многие десятилетия (если не столетия) вперёд заложил её параметры. С его подачи содержание консервативного политического дискурса в России определяла национальная идея, синтезирующая патриотизм — любовь к Родине — с уважением к традициям, обычаям, ценностям и идеалам русского народа, сформировавшимся и освящённым многовековой борьбой за национальное самоопределение и духовную свободу в православии.

Его патриотизм глубоко прочувствован. Он писал в статье «О любви к Отечеству и народной гордости»: «Человек любит место своего рождения и воспитания. Сия привязанность есть общая для всех людей и народов, есть дело природы и должна быть названа физической. Родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества. В свете нет ничего милее жизни; она есть первое щастие, — а начало всякого благополучия имеет для нашего воображения какую-то особенную прелесть. Так нежные любовники и друзья освящают в памяти первый день любви и дружбы своей. Лапландец, рождённый почти в гробе природы, несмотря на то, любит хладный мрак земли своей. Переселите его в щастливую Италию: он взором и сердцем будет обращаться к северу, подобно магниту; яркое сияние солнца не произведёт таких сладких чувств в его душе, как день сумрачный, как свист бури, как падение снега: они напоминают ему Отечество! — Самое расположение нервов, образованных в человеке по климату, привязывает нас к родине. Недаром медики советуют иногда больным лечиться её воздухом....»

Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения — и потому не все люди имеют его. Самая лучшая философия есть та, которая основывает должности человека на его щастии. Она скажет нам, что мы должны любить пользу Отечества, ибо с нею

неразрывна наша собственная; что его просвещение окружает нас самих многими удовольствиями в жизни; что его тишина и добродетели служат щитом семейственных наслаждений; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человеку называться сыном презренного отца, то не менее оскорбительно и гражданину называться сыном презренного отечества. Таким образом, любовь к собственному благу производит в нас любовь к Отечеству, а личное самолюбие — гордость народную, которая служит опорой патриотизма. Так, греки и римляне считали себя первыми народами, а всех других — варварами; так, англичане, которые в новейшие времена более других славятся патриотизмом, более других о себе мечтают.

Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном достоинстве, — а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут.

Мы не имеем нужды прибегать к басням и выдумкам, подобно грекам и римлянам, чтобы возвысить наше происхождение: слава была колыбелию народа русского, а победа — вестницею бытия его... Зная, что мы храбрее многих, не знаем ещё, кто нас храбрее. Мужество есть великое свойство души; народ, им отличенный, должен гордиться собою».

Основания для патриотизма давала и славная российская история конца XVIII — начала XIX веков, когда страна решительно вступила на арену большой европейской политики. При этом патриотизм Карамзина не был безоглядным, он не переходил в национализм, не служил основанием для водружения России на пьедестал беспорочного величия. Он был уверен, что «патриотизм не должен ослеплять нас, любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть; и, жалея о тех людях, которые смотрят на вещи только с дурной стороны, не видят никогда хорошего и вечно жалуются, мы не хотим впасть и в другую крайность; не хотим уверять себя, что Россия находится уже на высочайшей степени блага и совершенства».

Хорошо известна его фраза: «Если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: крадут». При всей своей любви к родине историк не проходил мимо «общественных злодейств». Так, в «Истории» Карамзин не скры-

вал неприглядных черт в характере россиян, когда описывал праздность, пристрастие к крепким напиткам, языческие обычаи и ереси, распутство и корыстолюбие, излишние жестокости и «окаменение сердец». В этом правдивом изображении событий и нравов видит Карамзин долг патриота. И все же: «для нас, Русских с душою, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует, всё иное есть только отношение к ней, мысль, привидение. Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России, или нет гражданина, нет человека, есть только двуножное животное, с брюхом».

Карамзин искал в отечественной истории, в собственном опыте те основания, которые были бы органичны нашему духовному и политическому бытию. Начиная с него русские консервативные мыслители склонны были видеть истоки национальной традиции в допетровской Руси. Трактовка Карамзиным русской государственности как основополагающей ценности русского народа в дальнейшем также стала стержневой в русской консервативной мысли.

Впервые поднятая Карамзиным тема «Россия—Европа» также оказалась в центре внимания всей последующей социально-политической дискуссии. Из отечественных консерваторов эту проблему — вплоть до полного противопоставления России Западу — разрабатывали славянофилы, теоретики «официальной народности», Николай Данилевский и другие.

Карамзин понимал, что Европа начиная с XI века опередила нас в своём развитии: «Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в самое то время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножились.... Россия, терзаемая моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!» Карамзин приветствует русское гостеприимство в отношении иностранцев. «Гостеприимство есть добродетель Русских. Мы же благодарны иностранцам за просвещение, за множество умных идей и приятных чувств, которые были неизвестны предкам нашим до связи с другими Европейскими землями. Осыпая гостей ласками, мы любим им доказывать, что ученики едва ли уступают учителям в искусстве жить и с людьми обходиться».

Но при этом Европа для Карамзина — не единственный свет в окошке.

Он уверен, что России по плечу догнать европейцев. «Немцы, Французы, Англичане были впереди Русских по крайней мере шестью веками: Пётр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их... Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то моё, ибо я человек!»

История Запада также даёт Карамзину много оснований для упреков, на фоне которых российская выглядит совсем неплохо. Он подчёркивал мирный характер освоения россиянами новых земель: «без насилия, без злодейств, употреблённых другими ревнителями христианства в Европе и Америке». На страницах многих томов «Истории» можно прочесть строки, посвящённые описанию «низкой, завистливой политики Ганзы и Ливонского ордена», «грязных» попыток папы и иезуитов обратить россиян в латинство и втравить их в ненужную войну с турками». Карамзин укорял также лютеран в «примесах мудрований человеческих, несогласных с простотою Евангельскою», приводил им как образец «чистоту и неприкосновенность греческого вероисповедания», советовал немцам следовать примеру россиян, «которые довольствуются подданством народов, оставляя им на волю верить или не верить Спасителю».

В статье «О российском посольстве в Японию» Карамзин писал, что в русских морях, отправившихся в кругосветное плавание, коренные жители встреченных земель «увидят не хищников, не тиранов, которые некогда спешили по следам Колумба злодействовать в Новом Мире, но друзей человечества». В «Известии об островах Канарских», в заметке «О несчастном состоянии Сен-Домингской Колонии» автор с негодованием рассказывал о жестокостях европейских колонистов, уничтоживших население завоеванных островов — «народ добрый, крепкий».

Карамзин был уверен: «Иностранцы глубокомысленные политики, говоря о России, знают всё, кроме России». Симпатии к России со стороны людей Запада ещё более редки. Но при этом нередко стремятся поучать, что Карамзину представлялось излишним. «Россия же существует около 1000 лет, и не в образе дикой Орды, но в виде Государства великого, а нам всё твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из тёмных лесов Американских!.. Где,

в какой земле Европейской блаженствует народ, цветёт правосудие, сияет благоустройство, сердца довольны, умы спокойны?»

Отношение Карамзина к современной ему Европе проникнуто не только уважением и любопытством, но и некоторой снисходительностью. Это можно проиллюстрировать парой пассажей из «Писем русского путешественника». «Надобно знать, что все Лондонские дома строятся с подземельною частью, в которой бывает обыкновенно кухня, погреб и еще какие-нибудь очень несветлые горницы для слуг, служанок, бедных людей. В Париже нищета взбирается под облака, на чердак, а здесь опускается в землю. Можно сказать, что в Париже носят бедных на головах, а здесь топчут ногами. Дома Лондонские все малы, узки, кирпичные, не белёные (для того, чтобы вечная копать от угольев была на них менее приметна) и представляют скучное, печальное единообразие; но внутренность мила: всё просто, чисто и похоже на сельское. Или вот это: «Ваша Природа кажется изнурённою, слабою: наша имеет всю пламенную живость юности; едва пробуждаясь от зимнего сна, является во всём блеске красоты своей; и что у вас зреет несколько недель, то у нас в несколько дней доходит до возможного растительного совершенства. Луга ваши желтеют в середине лета: у нас зелены до самой зимы. В ясные осенние дни мы наслаждаемся Природою как другом, с которым нам должно расстаться на долгое время — и тем живее бывает наше удовольствие. Наступает зима — и сельский житель спешит в город пользоваться обществом».

Карамзин любил свою страну и в то же время уважал другие культуры. Можно согласиться с мнением С. Ф. Платонова, утверждавшего, что русскому писателю удалось «построить стройную систему мировоззрения на синтезе двух начал: национальной старорусской и общечеловеческой европейской». При этом, не отделяя Россию от европейской цивилизационной системы, Карамзин отводил ей особое место: если европейские народы в своём развитии шли приблизительно одним общим путём, то россияне — своим собственным, причём более трудным.

Современнику ему политическую культуру России (не употребляя, естественно, это — более позднее — понятие) Карамзин выводил из исторического опыта страны: «Настоящее бывает

следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее».

Россия, по мысли Карамзина, не Восток и не Запад, а самобытная цивилизация, впитавшая наследие множества великих культур. «Во глубине Севера, возвысив главу свою между Азиатскими и Европейскими Царствами, она представляла в своём гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних Восточных нравов, принесённых Славянами в Европу и подновлённых, так сказать, нашею долговременною связью с Моголами; Византийских, заимствованных Россиянами вместе с Христианскою верою, и некоторых Германских, сообщённых им Варягами. Сии последние черты, свойственные народу мужественному, вольному, ещё были заметны в обыкновении судебных поединков, в утехах рыцарских и в духе местничества, основанного на родовом славолубии. Заключение женского пола и строгое холопство оставались признаком древних Азиатских обычаев. Двор Царский уподоблялся Византийскому: Иоанн III, зять одного из Палеологов, хотел как бы восстановить у нас Грецию соблюдением всех обрядов её церковных и придворных: окружил себя Римскими Орлами и принимал иноземных послов в Золотой Палате, которая напоминала Юстинианову. Такая смесь в нравах, произведённая случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и Россияне любили оную как свою народную собственность».

В «счастьи гражданина», «счастьи народном» Карамзин видел главную цель государственной власти. Народ как главный носитель национальных традиций является гарантом этой власти. Для Карамзина народ предстаёт в единстве национального духа, а правители — лишь его носители, воплощающие лучшие черты национального характера. Причем значение государственного деятеля определяется степенью его связи с народом, и только в ситуации «народ плюс власть» силы государства удаётся реализовать в полном объёме.

Одна из главок девятого тома «Истории государства Российского» названа «Любовь россиян к самодержавию». Именно это представляется Карамзину главным доводом в пользу российского самодержавия, так как русский народ даже в годы тирании понимал необходимость и спасительность монархии

для России, считая «власть государеву властью божественною». В вере российских подданных в самодержавное правление Карамзин усматривал главную «силу государственную».

Истинное, «мудрое», самодержавие рисовалось Карамзину как равнодействующая и созидательная сила, подчиняющая интересам государства аристократию и олигархию, противодействующая центробежным тенденциям и предотвращающая анархию, являющаяся альтернативой разделению властей. «В Монархе Российском соединяются все власти: наше Правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола: так и Монарх в иных случаях должен действовать по единой совести...» Истинная монархия основывается на личных добродетелях самодержца. Поэтому власть — это всегда испытание для самодержца, преодолевающего искус абсолютной власти. «Нет, оставим мудрствования ученические и скажем, что наш Государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! — доказывал Карамзин. — Да причит подданных ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бранных форм удержат будущих Государей в пределах законной власти. Чем? Страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования». Главное не степень индивидуальной свободы, а то, что такие качества русских людей — идеализм, духовность, стихийный аполитизм, нежелание «государствовать», почитание верховной власти, мессианство — органически вырастают из особенностей истории народа. Их «природный» характер сводит на нет все критические эскапады недоброжелателей России.

Карамзина можно назвать одним из первых авторов легитимной модели российской государственности. Он обосновывал законность монархической власти не только на фундаменте русского права, но и на основе самобытных, естественноисторических начал. Взгляд Карамзина на сущность русского самодержавия, которое неотделимо от самой «метафизической природы» России, в концентрированном виде можно охарактеризовать его словами из письма к П. А. Вяземскому: «Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную

и скорее может упасть, нежели ещё более возвеличиться. Самодержавие есть душа, жизнь её, как республиканское правление было жизнью Рима».

По убеждению Карамзина, преимущество монархии перед республикой заключается не только в том, что «единая, нераздельная, державная воля может блюсти порядок и согласие», но и в том, что монархическое правление «не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падают». И если в «Письмах русского путешественника» Карамзин весьма сочувственно отзывался о нравах жителей швейцарских кантонов, то в период издания «Вестника Европы» он писал уже о «моральном падении Гельветии», разгуле «личных страстей, злобного и безумного эгоизма», господстве золота и «торгового духа».

Итак, центральное звено в политической концепции Карамзина — самодержавие как наиболее органичная для России форма правления. Одним этим он отталкивал от себя многих современников и потомков. А. А. Кизеветтер был убеждён, что Карамзин писал «историю» исключительно для того, чтобы «придать внешний блеск и оживление тому, что дряхлело». Это не так. Карамзин доказывал выгоды абсолютной власти не для утверждения уже существовавшего самодержавия со всеми его недостатками, а для укоренения в сознании русских людей идеи монархической власти как подлинно самобытного русского начала, предопределившего величественное развитие России. Как подчёркивают современные авторы А. А. Ширинянец и Д. В. Ермашов, «Карамзин понимал под самодержавием не просто неограниченную единоличную власть монарха. Термин «самодержец», входивший в титул русского царя ещё со времён Московской Руси, выражал в первую очередь то, что монарх не является данником кого бы то ни было (конкретно в ту эпоху — хана), то есть он — суверен, при этом необязательно обладающий правом на произвол и безответственность. Неограниченную верховную власть одного человека самодержавие стало означать позднее, с царствования Иоанна Грозного, и эту сторону царской власти Карамзин интерпретировал всего лишь как вторичный её атрибут». На первый план он выдвигал трактовку самодержавия как воплощения могущества и политической независимости государства.